

Институциональная трансформация в России: состояние, социальный механизм, перспективы

Громакова Виктория Георгиевна,

к.б.н., доцент, кафедра региональной социологии и моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

В статье приводятся результаты анализа научных данных относительно текущего состояния процесса социальной трансформации в российском обществе. Обосновывается рассмотрение данной проблемы через призму институциональных изменений. С учетом результатов проведенного анализа, а также положений неoinституционализма построена когнитивная карта социального механизма трансформации. Выявлены стабилизирующие и развивающие контуры обратных связей и узловые факторы, определяющие перспективы дальнейшего развития российской социальной системы. Таковыми оказались институциональный контроль и уровень межличностного доверия. Показана структура механизма стабильного функционирования социальных институтов. Анализируются вероятные траектории процесса институциональной трансформации в зависимости от состояния узловых факторов. Обсуждается значимость государства и сильного национального лидера для реализации благоприятного сценария завершения институциональной трансформации, формировании гражданского общества и его развития в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: социальная трансформация, социальный институт, социальный механизм, институциональная матрица, когнитивная карта.

Российское общество на протяжении как минимум тридцати лет пребывает в состоянии социальной трансформации. Причем, социологи все чаще выражают обеспокоенность по поводу тенденций трансформационного процесса и его возможных последствий. На фоне усиления пессимистических прогнозов, основанных на растущем количестве неблагоприятных эмпирических данных, проблема комплексного изучения социальной трансформации, которое связало бы воедино всю совокупность действующих факторов и разнонаправленных тенденций, приобретает особую актуальность.

Отметим, что трактовки социальной трансформации, предлагаемые разными авторами, порой противоречат друг другу по ряду позиций. Так одни исследователи относят к ее отличительным чертам радикальность и высокую скорость преобразований в обществе [5], другие же, напротив, говорят о постепенности происходящих изменений [3]. Несмотря на то, что большинство исследователей данной проблематики считают, что социальная трансформация связана с изменениями «базовых характеристик» обществ, ведущими к изменениям их «социальной природы» [5], тем не менее существует и точка зрения, согласно которой в посткоммунистических странах на фоне внешних трансформаций все больше «практикуются идеи и образцы прошлого» и таким образом «старые формы» воспроизводятся «в новых ролях» [11]. Оставляя данные противоречия за скобками, подчеркнем тот аспект социальных трансформаций, в отношении которого исследователи солидарны. Таковой является комплексность социальных преобразований в процессе трансформации. Речь идет о том, что данный вид социальных изменений затрагивает не отдельные стороны, а все сферы жизни общества [5, 7]. Для дальнейшего анализа представляются важными также такие характеристики социальной трансформации, как зависимость ее результатов от активности социальных агентов, причем не столько правящей элиты, сколько среднего, базового и нижнего слоев общества; подверженность влиянию стихийных факторов и обусловленную тем слабую управляемость; а также неизбежность и длительность сопутствующей аномии [5, 11].

Описывая трансформационные процессы в современных обществах, Т.И. Заславская предлага-

ла рассматривать их в трехмерном социетальном пространстве, осями которого являются уровень человеческого потенциала, динамизм социально-групповой структуры и эффективность институциональных систем. Автор настоящей статьи, принимая данную точку зрения за основу, считает возможным рассматривать институциональные изменения как центральное связующее звено социальной трансформации, поскольку социальные институты, понимаемые как комплексы норм, правил и моделей поведения, одновременно и являются факторами, ограничивающими активность социальных агентов [10], и осуществляются в их практической деятельности [1, 13]. Что касается формирования социально-групповой структуры общества, его изменений в направлении интеграции или дезинтеграции, то указанные процессы также находятся под влиянием институциональных правил, норм [12] и задаваемых ими возможностей. Таким образом, через призму институциональных изменений можно анализировать и перспективы реализации человеческого потенциала, и его социально-групповую динамику. Сходное видение роли институциональных изменений в процессах социальной трансформации встречается также в работах некоторых других исследователей [14].

В связи с вышесказанным **целью** исследования стал теоретико-методологический анализ социальных механизмов и факторов институциональной трансформации с последующим построением комплексной когнитивной модели, основанной на полученных результатах и позволяющей оценить перспективы развития российского общества.

Под социальным механизмом в настоящей статье будет пониматься комплекс прямых и обратных причинно-следственных связей между качествами социетальной системы, вовлеченными в трансформационный процесс. В связи с такой трактовкой социального механизма в качестве методики моделирования была выбрана когнитивная карта. Данный вид моделей представляет собой знаковый ориентированный граф, в вершинах которого отображаются динамические качества объекта, а соединяющие их дуги иллюстрируют характер связей между ними. Положительная связь означает однонаправленное изменение переменных, отрицательная – разнонаправленное. Также достоинством метода является возможность демонстрации контуров обратных связей: стабилизирующих – с нечетным числом отрицательных дуг, и развивающих – включающих только положительные связи или четное количество отрицательных.

Приступая к анализу механизмов и факторов социальной трансформации в России, имеет смысл проанализировать и обобщить выводы социальных ученых относительно специфических черт российского социума.

Обратимся к концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной, с точки зрения которой российская институциональная система базиру-

ется на исторически обусловленной Х-матрице, предполагающей преобладание редистрибутивных институтов в экономике, унитарное политическое устройство и доминирование коммунистической идеологии в качестве принципа устройства общественной жизни [6]. В предложенную схему органично вписываются такие характерные для субъектов российского социума качества, как:

- этатизм и патернализм в отношениях с государством;
- патримониальный характер государственного господства;
- высокая степень персонификации социальных связей, характерная практически для всех социальных институтов;
- авторитарные принципы выстраивания отношений по вертикали власти в организациях;
- сравнительно низкая предпринимательская активность [8, 14];
- высокий уровень запроса на социальную справедливость и порядок [17], ответственность за восстановление которых возлагается на государство и персонально на национального лидера [2].

Наряду с перечисленными нейтральными характеристиками современное российское общество характеризуется также широким распространением следующих однозначно негативных явлений, действующих в качестве неформальных правил в рамках формальных социальных институтов:

- в политической сфере: коррупция [15], клиентарно-корпоративистский характер функционирования государственных учреждений, правовой нигилизм [8];
- в экономической сфере: искажение взаимосвязи между трудовой деятельностью и заработной платой; последняя зависит не столько от интенсивности и результатов труда, сколько от организации и занимаемой должности [4];
- в идеологической сфере: ориентация на индивидуальный успех, «игры с нулевой суммой», ослабление солидарности [9].

Также отмечается крайне низкий уровень генерализованного межличностного и институционального доверия [9]. И целом состояние российского социума большинство исследователей характеризуют как кризисное.

В оценках перспектив выхода из затянувшегося трансформационного кризиса исследователи расходятся. Одни рассматривают наблюдаемые негативные тенденции как своеобразные «болезни роста» и полагают, что их преодолению будет способствовать большая информационная, экономическая и политическая открытость российского общества и сближение России с развитыми постиндустриальными странами [15]. Другие связывают проблемы российского общества с его культурно-историческим прошлым и, принимая за эталон социальный порядок, сложившийся в обществах, развивающихся согласно С.Г. Кирдиной на Y-матрице, приходят к пессимистическим выводам

о связи «подрывных» неформальных институтов, например коррупционных, с неблагоприятным наследием, укорененным в культуре и являющимся непреодолимым препятствием на пути их искоренения [16]. Теоретико-методологическим основанием для подобных выводов часто служит концепция социальных порядков Д. Норта [10]. Согласно положениям данной концепции в квазисословном российском обществе реализуется порядок ограниченного доступа, основанный на рентных отношениях и неразрывно связанный с функционированием «естественного государства». Причем ренты создаются неравным доступом к ресурсам (экономическим, властным, организационным), а их распределение обеспечивает солидарность внутри элиты и ее лояльность к действующей власти. Так рентные отношения служат залогом выживания «естественного государства», а обеспечивающий их ограниченный доступ невозможен в условиях неперсонифицированных социальных связей, чем обуславливается высокая степень персонификации институциональных форм социальных отношений. При этом порядок ограниченного доступа до определенных пределов предотвращает насилие, поскольку достаточные по объему ренты делают невыгодным противостояние государству со стороны доминирующей коалиции, а остальное общество не обладает необходимыми для сопротивления ресурсами. Однако вероятность насилия резко возрастает в случае, если элиты находят предоставляемые ренты и привилегии недостаточными. Также в естественном государстве создаются условия для развития специализации и торговли, способствующих появлению рент. В то же время, по мнению авторов концепции, риски сокращения ренты в результате ее распространения на большую часть обуславливают сопротивление правящей коалиции установлению свободных рыночных отношений и в определенный момент становятся препятствием на пути экономического развития.

Как видно, концептуальная схема порядка ограниченного доступа выглядит обоснованной и непротиворечивой и, действительно, довольно точно описывает ситуацию в современной России. Однако выведенный на основе комплекса характеристик «естественных государств» постулат об их неспособности к развитию выглядит спорным, как минимум потому, что известны примеры эффективной экономической модернизации и политического развития обществ, институциональные системы которых соответствуют X-матрице, а социальный порядок на момент начала трансформационных процессов имел выраженные признаки «естественного государства». Речь идет, прежде всего, о Японии и Китае [11]. Однако в отличие от российского опыта по прямому переносу западных рыночных и либерально-демократических институтов, в азиатских государствах трансформация осуществлялась с учетом культурной специфики и на основе действующих социальных институтов. Поэтому автор настоящей статьи разде-

ляет точку зрения других исследователей, связывающих неблагоприятное течение трансформационного процесса на постсоветском пространстве с тем, что инициаторы реформ пренебрегали соблюдением принципов эволюционности и кумулятивности, необходимыми для прогрессивных институциональных изменений [13, 19, 20].

На основании результатов представленного выше теоретического анализа, а также положений неинституциональной теории была разработана когнитивная карта социального механизма институциональной трансформации в России, представленная на рисунке 1.

Вершины 1–5, представленные на модели, отображают режим функционирования социальных институтов. Так, эффективность формальных социальных институтов (1.ЭфСИ) имеет прямое отрицательное влияние на трансакционные издержки (2.ТИ), т.е. чем выше институциональная эффективность, тем ниже издержки. В свою очередь трансакционные издержки имеют прямую положительную связь с частотой оппортунистического поведения (3.ОпП) в нарушение институциональных норм. Возрастание частоты оппортунистического поведения снижает уровень институционального доверия (4.ИнсД), но повышает интенсивность институционального контроля (5.ИнсК), т.е. предупредительных санкций, которые призваны снизить привлекательность противоречащих принятым в обществе нормам форм поведения. Возрастание же институционального доверия снижает риски оппортунистического поведения, повышает эффективность социальных институтов и ослабляет давление институциональных контролирующих структур. В целом в данном блоке имеет место один положительный контур обратных связей (1–2–3–4–1), в рамках которого ситуация способна развиваться как в направлении увеличения институциональной эффективности, так и в противоположном.

Также очевидно наличие двух стабилизирующих контуров, повышающих надежность системы, а именно отрицательные обратные связи между оппортунистическим поведением и институциональным контролем и между институциональным контролем и институциональным доверием. Последний подтверждается тем, что чрезмерный институциональный контроль приводит к недовольству социальных агентов и снижает их доверие социальным институтам. Так, исследования Ж.Т. Тощенко свидетельствовали о наличии беспокойства россиян «по поводу ужесточения политики администрирования и проявлений авторитаризма», в которых в комплексе с игнорированием интересов народа люди видели признаки превращения «Единой России» в худший вариант КПСС [17].

В ситуации, когда механизмы стабилизации в структуре формальных социальных институтов оказываются недостаточными, их функциональное состояние начинает меняться, что может привести к развитию ситуации по одному из представленных далее путей.

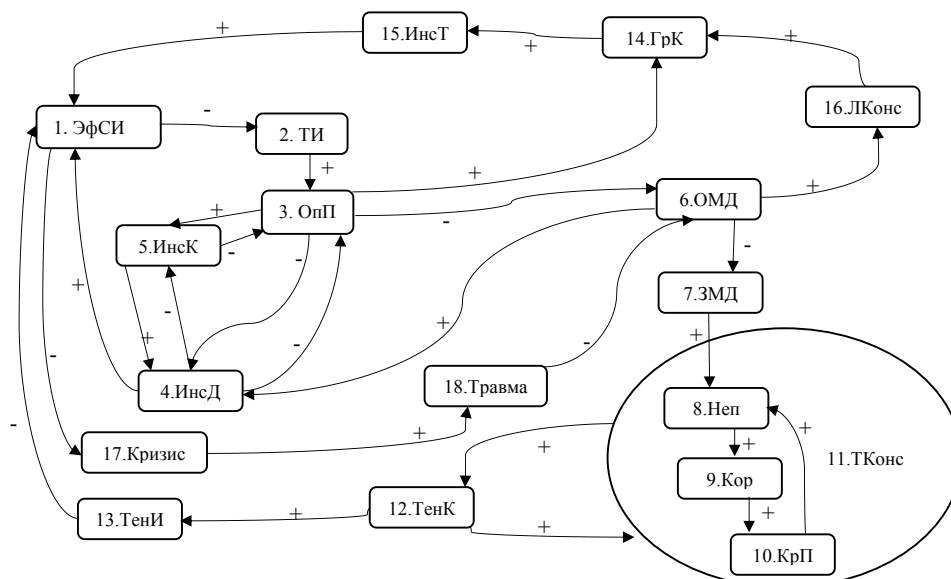

Рис. 1. Социальный механизм институциональной трансформации в России

Первый вариант (по которому пошло российское общество, оказавшись в состоянии институционального кризиса, вызванного попыткой внедрения неконгруэнтных исторически сложившимся социальным структурам экономических и политических принципов и форм взаимодействия) предполагает следующее. Распространение оппортунистических практик (3.ОпП) ведет к снижению открытого (неограниченного кругом лиц, с которыми человека связывают тесные персонифицированные отношения) межличностного доверия (6.ОМД). Снижение открытого межличностного доверия со временем приводит к снижению и институционального доверия, что только усугубляет институциональный кризис. Одновременно с этим утратившие доверие к социальным институтам люди вынуждены искать поддержку в персонифицированных неформальных социальных связях, т.е. повышается уровень закрытого межличностного доверия (7. ЗМД), ограниченного семейными, клановыми, производственными группами. Особенно быстро данная тенденция реализуется в элитарных кругах [9]. Усиление закрытого межличностного доверия на фоне снижения всех других его форм ведет к распространению nepoтизма (8.Неп) в политике и экономике, коррупционных практик (9.Кор), приводящих к закреплению нелегальных форм социальной интеграции, основанной на круговой поруке (10.КрП). Вершины 8–9–10 образуют саморазвивающийся контур положительной обратной связи, в целом означающий теневую консолидацию социальных субъектов, проявляющуюся в различных масштабах (11. ТКонс). Консолидированные таким образом нелегальные социальные группы, в том числе криминальные, осуществляют теневой контроль за соблюдением сформированных ими неформальных норм и правил поведения (12. ТенК). По мере развития теневой консолидации неформальные нормы выходят за рамки собственно неформальных объединений и приобретают черты теневого со-

циального института (13. Тени). Теневая институционализация ведет к еще большему ослаблению и снижению эффективности формальных норм, причем нередко неформальные институциональные практики врастают в легальные социальные институты, приводя к тому, что те начинают выполнять функции прямо противоположные тем, ради осуществления которых изначально сформировались – возникают так называемые «подрывные» институты [16]. В данной части механизма все обратные связи положительные, т.е. дестабилизирующие, и, в результате, однажды запущенный по данному контуру процесс способен нарастать вплоть до полной деградации общества, если не актуализируются другие социальные процессы.

Второй потенциально возможный вариант реакции социума на отклонения в режиме функционирования формальных социальных институтов и снижение их эффективности представляется следующим. В ответ на распространение оппортунистических моделей поведения наряду с институциональным контролем осуществляется гражданский контроль (14.ГрК), подразумевающий, что социальные агенты изменяют свои социальные практики в направлении компенсации сниженной институциональной эффективности. Далее осуществляется отбор норм и правил взаимодействия, эффективных в новых условиях, и их закрепление на уровне формальных социальных институтов – легальная институциональная трансформация (15. ИнсТ). Контур 1–2–3–14–15–1 является стабилизирующим – возвращающим социальную систему в режим устойчивого функционирования на новом уровне. Однако для реализации гражданского контроля необходим высокий уровень легальной консолидации (16. ЛКонс), к которой способно гражданское общество, к сожалению, в современной России практически отсутствующее по причине крайне низкого уровня открытого межличностного доверия (6.ОМД).

Тем не менее, российское общество способно к легальной консолидации, что не раз подтверждалось в условиях внешней угрозы. Однако мобилизационная консолидация кратковременна, поэтому эксплуатация данного механизма путем актуализации «образа врага» целесообразна только в краткосрочной перспективе. Следовательно, необходим другой путь. Надежду на его существование дают следующие отраженные в научной литературе закономерности. Во-первых, открытое межличностное доверие в российском обществе возрастает в периоды относительной стабильности [9]. Во-вторых, именно с длительным пребыванием российского общества в условиях кризиса связываются негативные трансформации социальных норм и моделей поведения [19]. Из данных посылок следует вывод: рост широкого межличностного доверия и повышение связанной с ним легальной консолидации возможны в условиях длительного функционирования без кризисов и социальных потрясений (17. Кризис) и в отсутствие сопутствующих радикальным трансформациям социокультурных травм (18.Травма). Правда, решение этой задачи возможно только в рамках эффективной и устойчивости институциональной системы. И поскольку неформальные социальные институты на данный момент не способны обеспечить такую устойчивость, то единственным механизмом благоприятного завершения трансформации остается институциональный контроль как наиболее доступный прямому управлению (5.ИнсК). И с данной точки зрения распространенная в российском обществе идеология этатизма и готовность к сплочению вокруг сильного лидера выглядит не недостатком, а ресурсом преодоления кризиса [2]. Сильная, ориентированная на установление порядка легитимная власть способна стабилизировать работу формальных социальных институтов и дать людям ощутить уверенность в завтрашнем дне. Такие лидеры в России периодически появляются, но проблемой является то, что на смену сильному лидеру как правило приходит слабый и период стабильности оказывается недостаточным по длительности для закрепления благоприятных схем взаимодействия как на уровне формальных, так и неформальных социальных отношений. Поэтому первостепенной задачей, стоящей перед российскими политическими структурами, является создание условий для подготовки компетентных управленческих кадров, способных обеспечить сменяемость власти, не приводящую к росту дестабилизационных рисков.

Таким образом, в подведение итогов остается резюмировать, что процесс социальной трансформации в России на данный момент характеризуется рядом неблагоприятных тенденций, отмечающихся практически во всех сферах жизни общества. Сведение описанных в научной литературе специфических черт российского социума в условиях продолжающейся трансформации в единый комплекс объединенных причинно-следственными

связями подпроцессов, обозначенный в данной статье как социальный механизм трансформации, показало наличие в нем двух ключевых параметров, способных обеспечить дальнейшее устойчивое функционирование. Первый – это уровень открытого межличностного доверия, необходимый для становления гражданского общества и обеспечения развития в долгосрочной перспективе. И второй – эффективность институционального контроля, призванного вывести общество из кризиса и создать условия для повышения межличностного доверия в период, когда гражданское общество еще не сформировано. Однако условия для поддержания должного уровня институционального контроля в сложившихся обстоятельствах способна обеспечить только государственная власть в лице череды ответственных и сильных национальных лидеров.

Литература

1. Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 4. – С. 3–24.
2. Волков Ю.Г., Гурба В.Н., Гуськов И.А. Институт лидерства в российском обществе: роль в консолидации российского общества // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Том 7. – № 5. – С. 13–29.
3. Гуренкова О.В. Особенности процесса трансформации общества в современной России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S5. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76061.htm>.
4. Гуренкова О.В. Формирование новой социальной структуры современного российского общества // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 10. – С. 9–12.
5. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
7. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФРАН, 2000.
8. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития. Автореферат дисс. ... доктора философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 51 с.
9. Мартынов В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. – 2017. – Том 17. – Вып. 1. – С. 61–82.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эндельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономи-

ки. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

11. Оберемко О.А., Ядов В.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Флинта, 2005. – С. 10–44.
12. Палий В.М. Развитие социума по критериям интеграции и дезинтеграции в структурообразующих признаках властных отношений // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 8. – С. 81–84.
13. Палий В.М. Социологические аспекты взаимоотношений власти и общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 54–57.
14. Пацула А.В., Щёлоков Д.В. Специфика управления институциональными трансформациями в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5–1 (119). – С. 133–138.
15. Подопригора А.В. Эволюция голема: институт российской коррупции в условиях цифрового общества // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург: Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2019. – С. 279–306.
16. Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: Сборник статей / под ред. В. Гельмана и О. Маргания. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 408 с.
17. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 63–72
18. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–17.
19. Щелоков Д.В. Многоаспектность институциональных трансформаций в российских условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3(117). – С. 130–134.
20. Ядов В.А. Теоретико-концептуальные объяснения “посткоммунистических” трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – Вып. 6. – М.: ИС РАН, 2007. – С. 45–58.

THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATION IN RUSSIA: CONDITION, SOCIAL MECHANISM, PROSPECTS

Gromakova V.G.

Southern Federal University

The article presents the results of the analysis of scientific data on the current state of the process of social transformation in Russian society. The article substantiates the consideration of this problem through the prism of institutional changes. Taking into account the results of the analysis, as well as the provisions of neoinstitutionalism, a cognitive map of the social mechanism of transformation

is constructed. The stabilizing and developing feedback loops and key factors determining the prospects for further development of the Russian social system are identified. These were the institutional controls and the level of interpersonal trust. The structure of the mechanism of stable functioning of social institutions is shown. The probable trajectories of the process of institutional transformation depending on the state of the key factors are analyzed. The importance of the state and a strong national leader for the implementation of a favorable scenario for the completion of institutional transformation, the formation of civil society and its development in the long term is discussed.

Keywords: social transformation, social institution, social mechanism, institutional matrix, cognitive map.

References:

1. Verlaine B. Popper's Objectivism and the method of critical rationalism. – 2002. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 3–24.
2. Volkov Yu. G., Gurba V.N., Guskov I.A. The Institute of Leadership in Russian Society: the role in the consolidation of Russian society. – 2018. – Volume 7. – No. 5. – Pp. 13–29.
3. Gurenkova O.V. Features of the process of transformation of society in modern Russia // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2016. – No. S5 URL: <http://e-concept.ru/2016/76061.htm>.
4. Gurenkova O.V. Formation of a new social structure of modern Russian society // Theory and practice of social development. – 2016. – No. 10. – Pp. 9–12.
5. Zaslavskaya T. I., Yadov V.A. Social transformations in Russia in the era of global change // Sociological journal. – 2008. – No. 4. – Pp. 8–22.
6. Kirdina S.G. Institutional matrices and development in Russia: an introduction to X-Y theory. 3rd edition, revised, expanded, and illustrated. – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. – 468 p.
7. Lapin N.I. Ways of Russia: sociocultural transformations. – Moscow: IFRAN, 2000.
8. Lubsky R.A. Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development. Autoreferat diss. ... doctor of philosophy. sciences. – Rostov-on-Don, 2015. – 51 p.
9. Martyanov V.S. Trust in modern Russia: between the late Modern and the new estate? // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg. – 2017. – Volume 17. – Issue 1. – Pp. 61–82.
10. North D. Understanding the process of economic changes / translated from the English by K. Martynov, N. Endelman; State University-Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the State University-Higher School of Economics. – 2010. – 256 p.
11. Oberemko O. A., Yadov V.A. Obshcheteoreticheskie podkhody k analiz sotsialnogo razvitiya i sotsialnykh izmeneniy [General theoretical approaches to the analysis of social development and social changes]. / Ed. by V.A. Yadov. – M.: Flinta, 2005. – Pp. 10–44.
12. Paliy V.M. Razvitie sotsiuma po kriterii integratsii i dezintegratsii v strukturoobrazuyushchikh traitakh vlastnykh otnosheniy [The development of society according to the criteria of integration and disintegration in the structure-forming signs of power relations]. – 2016. – No. 8. – Pp. 81–84.
13. Paliy V.M. Sotsiologicheskie aspekty otnoshenii vlasti i obshchestva [Sociological aspects of the relationship between power and society]. – 2018. – No. 1. – Pp. 54–57.
14. Patsula A.V., Shchelokov D.V. Specificity of management of institutional transformations in Russia // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2019. – № 5–1 (119). – Pp. 133–138.
15. Podoprighora A.V. Evolution of the Golem: the Institute of Russian Corruption in the digital society // Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: collection of tr. based on the results of the Third All-Russian Scientific Conference with international participation. – Yekaterinburg: Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. – Pp. 279–306.
16. Ways of modernization: trajectories, forks and dead ends: A collection of articles / ed. by V. Gelman and O. Marganiya. –

St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. – 2010. – 408 p.

17. Toshchenko Zh.T. Antinomy – a new characteristic of public consciousness in modern Russia // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2010. – No. 12. – Pp. 63–72.
18. Shtompka P. Social change as a trauma // *Socis*. – 2001. – No. 1. – Pp. 6–17.

19. Shchelokov D.V. Multi-aspect of institutional transformations in Russian conditions // *Izvestiya sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. – 2019. – № 3(117). – Pp. 130–134.

20. Yadov V.A. Theoretical and conceptual explanations of “post-communist” transformations. Yearbook. Issue 6. Moscow: IS RAS, 2007., p. 45–58.